
«РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»
(об одном из аспектов поэмы А.Т. Твардовского
«Василий Тёркин»)

С.Р. Туманова

Кафедра русского языка
Медицинский факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается мотив жизни и смерти в поэме «Василий Тёркин», соотношение этих образов и их роль в определении смысла бытия. Анализируются особенности поэтики Твардовского в наполнении этих образов.

Ключевые слова: литература, поэма, мотив, фольклор, жизнь, смерть, трагизм, война, жертва, правда, одиночество, память.

«Смерть ставит перед нами вопрос о самом главном, об основах нашего земного существования, о личной жизни в целом. Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него, она задает ему вопросы: ради чего ты живешь? верен ли твой выбор, или ты до сих пор даже не удосужился выбрать что-нибудь? стоит ли жить тем, чем ты живешь, и верить в то, во что ты веришь? если стоит, то за это стоит бороться и умереть! Ибо то, что не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры!...» [1. Т. 1. С. 52—53].

На эти вечные вопросы выдающегося русского философа Ивана Александровича Ильина А.Т. Твардовский много раз заочно отвечает: и в дневниках, и в произведениях. Но в двух случаях его слова звучат особенно сильно: первый раз в юношеском дневнике 1934 года, когда он пишет: «Да, смерть — мое личное дело, то, с чем нужно встретиться в одиночку, что неизбежно встанет горьким концом жизни. — Но разве страшен этот конец за жизнь — такую, какую она может стать? — Я не буду искать утешений, не буду обманываться. Смерть никогда не будет желанной. И она — из тех вопросов, которые я должен разрешить для себя сам, несмотря на то, что их уже разрешали лучшие из людей.

Большая жизнь и маленькая смерть...

Разве можно было бы не бороться за лучшую жизнь людей, не стремиться к истине из-за того лишь, что я, червяк, умру? — Ниже этого придумать нельзя» [2. Т. 93. С. 328].

И второй раз в своей великой поэме «Василий Тёркин»:

Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле [3. Т. 2. С. 181].

Поиск смысла жизни всегда сталкивается с определением смысла смерти, они связаны и не могут существовать друг без друга. Наиболее актуально этот конфликт проявляется в годы войны. В «Рабочих тетрадях» в феврале 1942 года Твардовский признается в том, что не может «охватить сознанием» войну. Записывая свое впечатление от Воронежа: «чудный, чистый, просторный русский

город», он противопоставляет: «А под боком — война — все та же — жестокая, трудная, стоящая стольких жизней, стольких страданий». Выводом из этого размышления становятся слова о смысле жизни: «Беречь свое время, делать больше — жить — пока есть у тебя жизнь — достойнее и тверже» [4. С. 67]. Как утверждает Адриан Македонов, друг Твардовского и автор книг о нем, «он знал и другое значение смерти, другую Смерть, как часть Жизни, ее необходимый срок и меру; как то, что навек закрепляет ее «правоту» и бегущий день превращает в вечность» [5. С. 99].

Поэма «Василий Тёркин» отчетливо проявила эти мысли поэта. Поэтому и смог он в конце поэмы заявить о том, чем оказалась поэма лично для него: «Боль моя, моя отрада, // Отдых мой и подвиг мой» [3. Т. 2. С. 328].

Мотив жизни и смерти, столь важный в годы войны, разрешается в поэме в образах и ситуациях, характерных для поэтики всего творчества Твардовского. В первой же главе поэмы намечаются два направления развития мысли поэта: на войне «не прожить без прибаутки» и «не прожить без правды вещей». И что удивительно, трагизм начинает проступать через прибаутку. Это тот самый смех сквозь слезы, или, точнее, слезы сквозь смех, или еще точнее, смех, вызывающий слезы. Намек на возможную смерть героя сделан мимоходом и пока не несет чувства трагичности. Трагичность такой ситуации будет восприниматься читателем потом, когда Тёркин уже войдет в сердца миллионов людей. С самого начала Твардовский осознает всю трудность и важность работы над «Тёркиным»: «Война всерьез, поэзия должна быть всерьез» [4. С. 90]. Он страдает от «необходимости писать (чуть ли не ежедневно) какого-то «Гришу Танкина», начатого Сурковым. «Ведь я уже давно не верю в эти фельетончики, — пишет он 27 июня 1942 года в письме жене Марии Илларионовне, — давно хочу писать всерьез и давно уже понес из-за этого неприятности. Вот каковы дела. И надо было, чтоб в это самое время у меня явилась радостная мысль работать над своим «Тёркиным» на новой, широкой основе» [4. С. 107]. Так он замышляет правдивую вещь о войне, о жизни и смерти, прикрывая все это «хорошей поговоркой или присказкой какой». Трагедия постепенно просачивается в поэму различными образами и ситуациями, когда улыбка вдруг сходит с лица автора. Это хождение по краю, по границе, где с одной стороны — жизнь, с другой — смерть. Переправа из жизни в смерть и обратно — ведущий мотив не только этой поэмы. Ужасы, виденные поэтом на Великой Отечественной и еще раньше, на «той незначимой» Финской войне (чего стоят его записки «С Карельского перешейка»: «Сознание постарело!»), уходят в подтекст. Исследователи отмечают, с каким тактом поэт изображает войну, кровавую и жестокую действительность. Однако это вовсе не означает, что жестокость войны ослаблена. Отклик в душе читателя оказывается не менее, а может быть и даже более сильным, чем при прямом показе натуралистических картин смерти именно из-за щемящей внутренней боли, переданной поэтом.

В поэме «Василий Тёркин» звучит и тема одиночества, связанная с темой забвения:

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа [3. Т. 2. С. 175].

Война подчиняет себе жизнь человека. Желание жить («Я большой охотник жить лет до девяноста») соединяется с ответственностью «за Россию, за народ и за все на свете». Однако это не делает его неуязвимым. А бессмертие можно обрести только в памяти:

А застигнет смерти час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут [3. Т. 2. С. 183].

Смертельная схватка в главе «Поединок» завершается победой Тёркина, но радость этой победы условна, как условна предполагаемая картина его возвращения и условна награда за взятого в плен фашиста, потому что

Война не вся.
Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой не ради славы,
Ради жизни на земле [3. Т. 2. С. 221].

В поэме нет бравады: «не затем на смерть идешь, чтобы кто-нибудь увидел», а война — это тяжелая, смертельная работа.

Тёркин ворот нараспашку,
Тёркин сел, глотая снег,
Смотрит грустно, дышит тяжело, —
Поработал человек [3. Т. 2. С. 220].

Герой «не заколдован от осколка-дурака, от любой дурацкой пули»:

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день, и час грозя [3. Т. 2. С. 224].

Близкое дыхание смерти постоянно чувствует герой поэмы, его друзья-сослуживцы и сам автор наравне со всеми: «Кто доскажет, кто дослышит // Указать вперед нельзя» [3. Т. 2. С. 224].

Константин Симонов в известном предисловии к посмертному шеститомному собранию сочинений Твардовского говорит о том, «с какой настойчивостью, порожденной глубоким осознанием трагизма войны для участвующего в ней человека, обилия приносимых им жертв, Твардовский из главы в главу напоминает нам о том, сколь короткое расстояние отделяет человека на войне от гибели, как близки на ней жизнь и смерть и с какою простотой и решимостью приходится отдавать солдату эту свою единственную жизнь» [1. С. 8—9]. И далее он отмечает, что «Книга про бойца» «начинена смертями в той степени, в какой она была начинена ими в действительности» [1. С. 9]. Рассуждение в главе «Кто стрелял?» о том, в какое время года умирать легче, сродни пушкинскому размышлению о временах года в стихотворении «Октябрь», только там — о любви к жизни, а здесь — о ненависти к смерти. Хрупка человеческая жизнь, переход к смерти мгновенен: «Смерть есть смерть. Ее прихода // Все мы ждем по старине» [3. Т. 2. С. 228].

С первых же строк в поэме заявлено о том, что главный герой останется жить. Ради этого автор оставляет «Книгу про бойца» без конца: «Почему же без конца? Просто жалко молодца» [3. Т. 2. С. 160]. Казалось бы, это должно снизить накал трагизма повествования, сделать его неправдоподобным. Однако такая условность не мешает восприятию Тёркина как живого человека, о чем свидетельствуют многочисленные письма читателей.

Первоначальная установка автора на необходимость знания на войне «правды сущей, правды, прямо в душу бьющей, да была б она погуще, как бы ни была горька» [3. Т. 2. С. 160], и с другой стороны, «шутки самой немудрой» дает возможность сочетать в поэме оптимистическое и трагическое начала. В шутовском «был рассеян я частично, а частично истреблен» [3. Т. 2. С. 66] уже есть будущий высокий трагизм убитого подо Ржевом бойца. Шутливость и бытовая приземленность первых глав поэмы резко обрываются в главе «Переправа». В «Василии Тёркине», как и в стихотворении «Две строчки» и в дневниках «С Карельского перешейка» и практически во всем, что написано Твардовским о войне, трагизм смерти усугубляется возрастом погибших. Поэта поражает, потрясает юность погибающих на войне, как он их называет, «ребят». И отсюда детали, из которых складываются их образы: «вихрастые виски», «мальчишечьи глаза», «желторот, холостой ли он женатый, этот стриженный народ» [3. Т. 2. С. 176].

Жизнь у Твардовского — всегда движение, хотя и трудное. Смерть же — остановка: «снежок не тает в глазницах», «пыльцой лежит на лицах». А жизнь продолжает свое движение:

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой [3. Т. 2. С. 178—179].

Так в «Василии Тёркине» сказываются впечатления Финской войны. Он отмечает в записках «С Карельского перешейка»: «Где-то еще идут ему письма по полевой почте, а он лежит» [3. Т. 4. С. 167]. Так возникает оппозиция: идут — лежит. «Далеко уже ушла его часть, а он лежит» [3. Т. 4. С. 167]. Смерть остановила погибших:

Спят бойцы.
Свое сказали
И навек уже правы.
И тверда как камень гряда,
Где застыли их следы... [3. Т. 2. С. 179].

Не от мороза они застыли, а от самой смерти. Земля запечатлела следы живых. Твардовский этим образом передает момент перехода от жизни к смерти, так же как и в стихотворении «Две строчки»: «да лед за полу придержал» [3. Т. 2. С. 121]. Предвестием трагедии на переправе также становятся образы замерзшей земли:

За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь [3. Т. 2. С. 178].

В главе «Смерть и воин» снова появляется образ ледяной груды в связи с образом смерти:

На снегу Василий Тёркин
Неподбранный лежал,
Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной [3. Т. 2. С. 272].

Дорога — один из основных образов поэтики Твардовского, воплощает идею постоянного движения, а следовательно, жизнь. Отсутствие же дороги символизирует смерть: «Ночь проходит, нет дороги // Ни вперед и ни назад...» [3. Т. 2. С. 178].

Твардовскому присуще свойственное экзистенциальному сознанию всматривание, проникновение в суть смерти, он много раз в разных ситуациях и в разное время, будь то смерть старика, ребенка или бойца на войне, стремится прожить, прочувствовать и зафиксировать момент перехода от жизни к смерти, пытается проникнуть в момент смерти, узнать смысл того предела, за которым нет жизни и который на войне делает жизнь осмысленной, придает ей тот высокий смысл, ради которого стоит жить. Страшнее смерти только забвение и одиночество.

Формула «Мертвым все равно», выведенная в «Василии Тёркине», самим поэтом подвергается сомнению и пересмотру в стихотворении «Я убит подо Ржевом». Монолог убитого подо Ржевом — это попытка поэта осознать смысл человеческой жизни перед лицом смерти.

«Смерть за смертью не страшна» — так интерпретирует Твардовский известную мысль Эпикура: «Когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет». Однако в поэме это не звучит смирением, облегчением, напротив, следующее за ним напоминание о жизни, которая продолжает свой путь (а у Твардовского жизнь всегда связана с дорогой и движением), делает этот эпизод еще более важным для оставшихся в живых.

Отношение к смерти Твардовский декларирует в поэме много раз и по-разному. В момент ожесточенного рукопашного боя с фашистом Тёркин, размышляя о страхе, в порыве отчаянной ненависти к врагу и в момент защиты собственной жизни выводит формулу, ставшую одним из крылатых выражений, которые вошли в нашу речь из стиха Твардовского: «Кто одной боится смерти — // Кто плевал на сто смертей» [3. Т. 2. С. 219]. В письме Марии Илларионовне от 7 сентября 1942 г. он писал: «Глава очень символическая, в то же время почти натуралистическая — как Тёркин дерется врукопашную с немцем, долго, страшно... Факт этот как все из жизни...» [4. С. 126]. Смерть на войне — «праведная и честная», но она от этого не становится менее ужасной, поэтому «от этой подлой штуки душу рвет», хотя «есть приказ: умри!.. — Умрет».

Близость смерти на войне передана Твардовским просто и страшно:

На груди лежишь земной,
Заслоняясь от смерти черной
Только собственной спиной [3. Т. 2. С. 228].

Отдать жизнь за Родину — это высшая честь для бойца, но «жизнь одна и смерть одна», и пока жив человек, он должен сопротивляться смерти, поэтому так отчаянно дерется Тёркин с противником. Смерть на войне — это «злой ветер», который «жизнь, как веточку колышет, каждый день и час грозя». Вечная идея сопротивления человека смерти на войне особенно актуальна:

Смерть встречай лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу [3. Т. 2. С. 229].

Глава «Смерть и воин», с одной стороны, вводит поэму в круг произведений фольклора, в которых в сказочной форме раскрывается вековечная мечта человека о победе жизни над смертью, с другой стороны, становится центром разрешения вопроса о той силе, которая способна это совершить. Твардовскому противна мысль о подчинении смерти. Смерть — это не только расставание с жизнью, это нарушение связи с живыми, это одиночество. Исследователи указывают на связь образа Теркина с «образом скомороха, одной из главных фигур русского фольклора, с образом находчивого солдата из старинной бытовой сказки, с образом неунывающего добра молодца, что в огне не горит и в воде не тонет, удалца-умельца, мастера на все руки» [6. Т. 1. С. 230]. Жестокая реальность главы «Переправа» спорит со сказочностью главы «Смерть и воин». С одной стороны, Твардовский, по словам Лейдермана, «вписывает судьбу героя в беспредельно мистикосакральный круг, который осваивался традиционным фольклорным и средневековым жанром «прения» человека со смертью» [6. Т. 1. С. 231]. С другой стороны, переводя движение сюжета из реального мира в сказочный, Твардовский еще больше усиливает ощущение жестокости того, что происходило в реальной жизни. Помня его установку на то, что «жалко молодца», мы понимаем, что Твардовский тем не менее должен был поставить его перед лицом смерти, но при этом завершить борьбу победой героя. Победа же Теркина, сила его духа объясняются тем, что было самым главным для солдата на войне: желанием увидеть победу и вернуться к семье — главной ценности в сознании Твардовского на протяжении всего его творчества. Еще одной опорой для победы в этой неравной борьбе со смертью становится та самая связь между живыми («но не избыть нам связи обоюдной»), о которой он скажет устами самой смерти, с досадой воскликнувшей: «До чего они, живые, // Меж собой свои — дружны» [3. Т. 2. С. 278].

Не случайно в «Рабочих тетрадах» в момент написания главы «Смерть и Тёркин» (так она первоначально называлась) Твардовский записывает: «Вчера одним присестом набросал главу „Смерть и Тёркин“. Кажется, это рекордная выработка за все время писания этой книги» [4. С. 232]. Его особенная забота об этой главе, желание улучшить, усилить ее («„Смерть и Тёркин“ последний раз подпортил удлинением и украшением, в которых глава не нуждается»), три варианта этой главы — все это свидетельствует о пристальном внимании Твардовского к мотиву смерти в поэме. И именно эта глава вызвала, по словам Твардовского, «зловещий шум и толки». По воспоминаниям Марии Илларионовны, «изымалось всякое

упоминание о гибели и смерти» [4. С. 246]. Она же указывает на значение мотива смерти для творчества Твардовского: «Теперь у тебя есть „Смерть и воин“, где ты выложил, отпел за раз все эти волновавшие тебя в свое время мотивы» [4. С. 245]. И еще одно важное упоминание этой главы в письме Марии Илларионовны: «Ты говоришь, что во всем разочаровался, кроме смерти и воина. А я скажу, что это неправда. „Смерть и воин“ — это лебединая песня твоя, прощание с прежним Тёркиным. Недаром она возникла уже тогда, когда ты почувствовал необходимость лепить образ дальше. Конечно, это сильная глава» [4. С. 254]. Однако ее замечание о том, что «она вся в прошлом», будет опровергнуто будущим творчеством Твардовского. Мотив победы жизни над смертью продолжится и разовьется и в поэме «Дом у дороги», и в поэме «Тёркин на том свете», которая выросла из главы «Смерть и воин». И в послевоенной лирике, одной из тем которой станет «жестокая память» войны. И, конечно же, в философской лирике последних лет.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1993.
- [2] Твардовский А.Т. Рабочие тетради // Литературное наследство. Из истории советской литературы 1920—1930-х годов. — М., 1983.
- [3] Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6-ти тт. — М., 1976—1983.
- [4] Твардовский А.Т. «Я в свою ходил атаку...». Дневник. Письма. 1941—1945 гг. — М., 2005.
- [5] Македонов А.В. Поэзия народного подвига. — М., 1986.
- [6] Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература 1950—1990 гг. — М., 2003.

«FOR THE SAKE OF LIFE ON THE EARTH» (about one aspect of A. T. Tvardovsky's poem «Vasily Tyorkin»)

S.R. Tumanova

Russian Language Department
Medical Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In this article the motive of life and death in the poem “Vasily Tyorkin”, ratio of these images and their role in definition of sense of life are considered. Features of Tvardovsky's poetics in filling of these images are analyzed.

Key words: literature, poem, motive, folklore, life, death, war, victim, loneliness, memory.